

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

УДК 343.9

ВЛИЯНИЕ ОБЪЕКТА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СРЕДСТВА ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ Influence of the Object of the Legal Criminal Pressure on the Means of its Realization

М. В. Бавсун – начальник кафедры уголовно-
го права Омской академии МВД России, канди-
дат юридических наук, доцент

M. V. Bavsun – Head of the Criminal Law
Department of the RF Interior Ministry Omsk
Academy, Candidate of Law Sciences, Associate
Professor

Аннотация. В работе на основе анализа литературы и проведенного автором собственного исследования обосновывается позиция, согласно которой личность преступника представляет собой непосредственный объект уголовно-правового воздействия. Предлагается изменение существующей сегодня системы воздействия за счет включения в ее содержание антропологического критерия, необходимого для устранения причин криминального поведения виновного.

Based upon the analysis of literature and the research work conducted, the author's own concept is offered, according to which the personality of a criminal is the immediate object of legal criminal influence. The author proposes changes in the existing nowadays the influence system due to including into its contents the anthropological criterion, necessary for liquidating the reasons of the guilty's criminal behavior.

Ключевые слова: уголовно-правовое воздействие, личность преступника, преступность, объект воздействия.

Legal criminal influence, personality of a criminal, criminality, object of influence.

Направление реализации уголовно-правового воздействия сегодня практически полностью ориентируется на общественную опасность совершенного лицом преступления, при этом не учитываются личностные особенности и характеристики того, кто совершил преступное посягательство. Содержащиеся в отечественном уголовном законодательстве средства влияния на лиц, виновных в совершении преступлений, в подавляющем большинстве обладают карательными свойствами, отличаясь друг от дру-

га лишь объемом репрессии, но не принципами, лежащими в основе самого их существования. Все иные способы воздействия, предусмотренные в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ), либо распространяются на отдельные категории лиц (несовершеннолетние, невменяемые), либо связаны с изменением его карательного потенциала в сторону уменьшения такового (условное осуждение, условно-досрочное освобождение от наказания и др.). Таким образом, в случае совер-

шения преступления вменяемым лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, неизбежным будет применение к нему единственного способа воздействия – наказания. Полагаем, что во многом ситуация обусловлена сформировавшимся стереотипом об объекте системы воздействия, основанном на характере и степени общественной опасности преступлений и учитывающим самого виновника деяния лишь на правоприменительном уровне при выборе вида и размера наказания.

Необходимо отметить, что сложившаяся ситуация не является случайной, а ее формирование происходило не одно столетие. Еще Ф. Ф. Лист отмечал, что «уже давно просматривается проблема «перекоса» в направлении воздействия, которое сегодня в основном оказывает влияние (или стремится оказать) на преступность, а не на конкретных лиц, совершивших преступления»¹. Под воздействием классической школы в общем учении о наказании стал господствовать принцип возмездия «как в чистом виде, так и под прикрытием более мягких названий, например, «необходимое искупление» или «воздающая справедливость» – принцип, переносящий центр тяжести с субъективного критерия на объективный, с человека – на учиненное им деяние»². Однако подобный взгляд на государственную политику по противодействию преступности был критикован еще Гольцендорфом – криминалистом-классиком, который сделал вывод о «банкротстве карательной системы»³ с теми принципами, которые ее олицетворяют.

В то же время по прошествии более чем столетия ситуация в данном направлении применительно к отечественному уголовному законодательству изменилась мало. К сегодняшнему дню сложилась достаточно парадоксальная ситуация, когда при колоссальном количестве личностных особенностей виновных (в том числе и особенностей биологического характера) все уголовно-правовое воздействие сводится лишь к наказанию. В свою очередь, причинами совершения конкретных преступлений являются персональные качества и характеристики субъекта, имеющие зачастую генетическое или физио-

логическое происхождение, противодействие которым посредством наказания невозможно априори. Вполне логичным в этой связи видится применение к ним мер, которые были бы в первую очередь ориентированы на устранение причин индивидуального свойства. Известно, что криминологические особенности личности первичны «поскольку являются источником, субъективной причиной преступных действий, а поэтому именно они, а не действия или поведение должны быть объектом профилактических усилий. То, что эти внутренние особенности могут привести к совершению преступлений, составляет сущность общественной опасности личности преступника, а само преступное поведение – производное от них»⁴. Сказанное, разумеется, отнюдь не означает игнорирования внешних социальных факторов. Более того, криминогенные черты личности формируются под воздействием названных факторов. Однако «закрепленные» в личности, они превращаются в самостоятельную силу, преуменьшать значение которой нельзя⁵.

Наказание с ролью единственного способа воздействия на лиц, совершивших преступления, справиться явно не в состоянии (по крайней мере, в большинстве случаев, когда личность преступника обусловлена генетическими или иными в чистом виде физиологическими особенностями) по причине, прежде всего, своей карательной сущности. Оно становится совершенно беспомощным в случае наличия у виновного врожденных или приобретенных в процессе жизнедеятельности патологий, психических и иных физиологических аномалий, которые так или иначе в конечном итоге оказывают мощное влияние на психику преступника.

Признавая в подавляющем большинстве случаев таких лиц вменяемыми, суд в качестве основной меры воздействия назначает именно наказание, целями которого является исправление виновного и предупреждение совершения им новых преступлений. Однако кара бессильна в ситуации, когда причинами совершенного деяния является нездоровая психика лица, зависимость от алкоголя или наркотических средств и др., а не внешние причины социального проис-

¹ Лист Ф. Ф. Задачи уголовной политики. М., 2004. С. 31.

² Чубинский М. П. Очерки уголовной политики. М., 2008. С. 381.

³ Цит. по: Ферри Э. Уголовная социология. М., 2005. С. 34.

⁴ Криминология : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999. С. 126.

⁵ Там же.

хождения. То же самое происходит и в случаях генетических предрасположенностей к совершению преступлений, когда наказание должно выступать последним и далеко не самым эффективным способом воздействия на личность преступника.

Как показывает мировой опыт, порядка 80 % лиц, совершивших преступления на сексуальной почве, после отбытия ими наказания вновь становятся участниками таких посягательств⁶. И это после специального, наиболее эффективного вида предупреждения. Что же тогда говорить об общепредупредительном значении уголовного закона, который в таких случаях оказывается лишь формой, лишенной требуемого содержания? В некоторых странах Запада, например, посредством применения химической кастрации, объектом воздействия которой выступает личность преступника, уровень рецидива удалось снизить до четырех процентов⁷.

Приведенные данные указывают на тот факт, что уголовное право сегодня готово использовать и принципиально иные, не связанные с наказанием, способы воздействия на преступников. И касается это далеко не только посягательств на половую свободу и половую неприкосновенность личности. В частности, уголовный закон может и должен занимать центральное место в ходе воздействия на лиц, совершивших преступления и страдающих при этом алкоголизмом или наркоманией. Устранение причин и условий совершения новых преступлений данной категорией лиц лежит именно в области их освобождения от существующей зависимости, которая носит не социальный, а медицинский (а зачастую и в чистом виде генетический) характер происхождения, соответственно, требуя и аналогичных методов воздействия. Успешность воздействия в таких случаях зависит не от объема репрессии, возложенной на преступника, а от того, насколько ему помогут избавиться от той зависимости, которая и выступает в качестве первопричины совершенного деяния.

В свою очередь, учет индивидуальных особенностей в ходе решения проблемы предупреждения преступлений в конечном итоге неизбежно повлечет за собой и снижение уровня преступности в данной его части. То же самое, соответственно, является вполне возможным и

в ходе решения проблемы снижения уровня преступности в случаях, когда причинами совершения отдельных преступлений являются отдельно взятые факторы биологического (генетического) происхождения. Смысл репрессии в таких случаях вызывает большие сомнения, как, впрочем, и достижение целей наказания, которые прописаны в ч. 2 ст. 43 УК РФ. Общественная опасность совершаемых при этом посягательств не может выступать в качестве единственного объекта уголовно-правового воздействия. Значительно большую ценность для общества будет представлять иное направление государственного принуждения, которое должно быть направлено на устранение причин совершенного деяния, а не на возмездие виновного.

Именно данный подход сегодня демонстрируется в зарубежном уголовном законодательстве, в котором объектом воздействия выступает непосредственно личность виновного, а не деяние, им совершенное. Так, исправление, согласно уголовным законодательствам США и Англии, возможно только тогда, когда потребности в каре не существует. В этих случаях меняются и способы воздействия, когда назначаются бесплатные работы, активное поведение, обучение по специальным реабилитационным программам, запрещение определенных видов деятельности, пребывание в определенных местах, лечение от наркозависимости или душевного расстройства, вплоть до лишения лиц, осужденных за футбольные правонарушения, права ездить со своим клубом или сборной за границу на срок до десяти лет⁸.

В этой связи, признавая в качестве непосредственного объекта уголовно-правового воздействия самого преступника, необходимо ставить вопрос о дополнении существующей сегодня системы противодействия совершению преступлений антропологическими элементами. На данный момент совокупность имеющихся средств в абсолютном большинстве случаев представляет не что иное, как наказание, которое сориентировано, прежде всего, на репрессию, практически полностью игнорируя физиологические и психологические качества преступника и особенности совершенного им посягательства. Уголовный закон предоставляет правоприменителю право выбора лишь

⁶ См.: *Times*. 1996. August 31.

⁷ См.: *The Los Angeles Times*. 1996. September 18.

⁸ См.: *Бримсон Д.* Бешеная армия: облик футбольного насилия / пер. с англ. А. Степанова. СПб., 2005. С. 302.

в рамках изменения объема карательного воздействия, исключая возможность посредством принимаемых мер устранять причины и условия совершения конкретным лицом новых преступлений. Специальная превенция, таким образом, основывается лишь на воспитании в человеке чувства страха перед перспективой новой репрессии за каждое последующее преступление, в целом сохраняя ему возможность для дальнейшей преступной деятельности. Не оказывая влияния на причины совершения общественно опасных деяний и реагируя лишь на их следствие, уголовно-правовое воздействие в том виде, в котором оно существует сегодня, в абсолютном большинстве случаев носит ха-

рактер возмездия или кары, казалось бы, отвергнутые современным обществом⁹.

Представляется, что изменение сложившейся в последние несколько десятилетий ситуации возможно лишь посредством оптимизации системы уголовно-правового воздействия, одним из направлений которой должно стать ее дополнение мерами, в первую очередь направленными на устранение причин совершения преступлений. В свою очередь, подобное в рамках уголовно-правовых отношений возможно именно за счет акцентирования используемых средств предупреждения преступлений на особенностях личности преступника как основного объекта уголовно-правового воздействия.

УДК 343.915

ИСТОЧНИКИ И СРЕДСТВА ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Sources and Means of Criminal Juvenile Personality Study: Theoretical Aspect

С. Е. Тимошенко – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Омской юридической академии, кандидат юридических наук, доцент

S. E. Timoshenko – Associate Professor of the Criminal Procedure and Criminalistics Department of the Omsk Law Academy, Candidate of Law Sciences, Associate Professor

***Аннотация.** В статье анализируются вопросы, связанные с формированием источников и средств изучения личности несовершеннолетнего, совершившего преступление.*

The article deals with the analysis of the issues connected with the sources and means of criminal juvenile personality study.

***Ключевые слова:** несовершеннолетний, личность, источники, средства.
Juvenile, personality, sources, means.*

Решение задач, связанных с изучением личности несовершеннолетнего, совершившего пре-

ступление, требует определения средств получения сведений о ней¹. Необходимость научно-

⁹ См.: Кудрявцев В. Н. Стратегия борьбы с преступностью. М., 2003. С. 45.

¹ В процессе производства по уголовному делу следователь, дознаватель, имея предмет изучения – личность несовершеннолетнего, совершившего преступление, используют для этого определенные средства.